

Тимур Кибиров

ЮБИЛЕЙ
лирического героя

поэтическая серия клуба «проект оги»

М О С К В А 2000

Т И М У Р К И Б И Р О В

тимур кибиров

**юбилей лирического героя
2000**

ТИМУР КИБИРОВ

ЮБИЛЕЙ ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ

Поэтическая серия клуба «проект оги»

москва 2000

Кибиров Т.

Юбилей лиричного героя. — М.: Клуб «Проект ОГИ», 2000.— 48 с.

ISBN 5-900241-10-6

- Т. Кибиров, 2000
- Клуб «Проект ОГИ». Серия, 2000
- ОГИ, оформление, 2000

**ПО ПРОЧТЕНИИ АЛЬМАНАХА
«РОССИЯ — RUSSIA»**

Только вымолвишь слово «Россия»,
а тем более «Русь» — и в башку
тотчас пошлости лезут такие,
враки, глупости столь прописные,
и такую наводят тоску

графа Нулина вздорное чванство,
Хомякова небритая спесь,
барство дикое и мессианство —
тут как тут. Завсегда они здесь.

И еврейский вопрос, и ответы
зачастую еврейские тож,
дурь да придурь возводят наветы,
опонируют наглость и ложь!

То Белинский гвоздит Фейербахом,
то Опискин Христом костерит!
Мчится с гиканьем, лжется с размахом,
постепенно теряется стыд.

Русь-Россия! От сих коннотаций
нам с тобою уже не сбежать.
Не РФ же тебе называться!
Как же звать? И куда ж тебя звать?

* * *

Блоку жена.
Исаковскому мать.
И Долматовскому мать.
Мне как прикажешь тебя называть?
Бабушкой? Нет, ни хрена.

Тещей скорей. Малохольный зятек
прикоровиться я так и не смог
к норову, крову, нутру твоему
и до сих пор не пойму, что к чему.
Непостижимо уму.

Ошеломлен я ухваткой твоей
ширью морей разливанных и щей,
глубью заплывших, залитых очей,
высью дебелих грудей.

Мелет Емелька, да Стенька дурит,
Мара да хмара на нарах храпит
Чара визжит-верещит.

Чарочка —чок, да дубинушка — хрясь!
Днесь поминаем, что пили вчерась,
что учудили надысь.
Ась, да Авось, да Окстись

Что мне в тебе? Ни аза, ни шиша.
Только вот дочка твоя хороша,
не по хорóшу мила.
В Блока, наверно, пошла.

Дай ответ!! Не дает ответа.
А писатель ответы дает.
И вопросов он даже не ждет.
Так и так, мол! А толку все нету.

А писатель все пишет и пишет,
никаких он вопросов не слышит,
никаким он ответам не внимлет,
духом выпреним Русь он объемлет.
И глаголет, глаза закативши,
с каждым веком все круче и выше.

И потоками мутных пророчеств
заливает он, матушку-почву.
Так и так, мол. Иначе никак.
Накричавшись, уходит в кабак.

Постепенно родная земля
пропитается, заколосится,
и пожнет наконец он ответ —
свой же собственный ужас и бред.

...Свобода

приходит никакая не нагая —
в дешевых шмотках с оптового рынка,
с косметикою блядскою на лице
и с песней группы «Стрелки» на устах.

Иная, лучшая — не в этой жизни, парень.
И все-таки — свобода есть свобода,
как Всеволод Некрасов написал.

* * *

Ну, была бы ты что ли поменьше,
не такой вот вселенской квашней,
не такой вот лоханью безбрежной,
беспредел бы умерила свой —

чтоб я мог пожалеть тебя, чтобы
дал я отповедь клеветникам,
грудью встал, прикрывая стыдобу,
неприглядный родительский срам!

Но настолько ты, тетка, громадна,
так ты, баба, раскинулась вширь,
так просторы твои неоглядны,
так нагладен родимый пустырь,

так вольготно меж трех океанов
развалилась ты, матушка-пьянь,
что жалеть тебя глупо и странно,
а любить... да люблю я, отстань.

T H M Y P H M E R P O B

SFIGA

**Небо Италии, небо Торквато,
Прах поэтический древнего Рима...**

Боратынский

Нипарис фалличен.
Пальма — вагинальна.
Пиний линии красивы
и бисексуальны.

Я брожу в лесу символов.
Ржу, как мерин сивый.
А ведь я уже немолод,
я ж певец России!

Пресловутый столп Траяна
тоже символичен.
Обелиск торчит в фонтане!
А уж дупла у платанов
просто неприличны.

Сублимируй, сублимируй,
сколько ж можно, донна?
А по вешнему по миру
— тыры-пыры во все дыры —
шум гудет зеленый!

А по вешнему по Риму
так весома, грубо, зримо
половая жизнь повсюду
дразнится, паскуда!

Это все пример ярчайший
истины известной —
надо нам встречаться чаще,
чтобы быть безгрешней!

Я хожу-брожу понуро,
 усмехаюсь горько.
 В дверь гони — пролезет в фортку
 матушка-натура!

Сублимируйчи столько
 охреть недолго!
 Шаг один от платонизма
 к пансексуализму!

Вот ведь не было печали —
 черти накачали!
 Вот ведь не было проблемы —
 бес в ребро и семя в темя
 ударяют скопом!
 Божий мир сплошным секс-шопом
 кажется в отчаяньи!

Надо, надо нам встречаться
 по утрам и вечерам,
 целоваться, миловаться,
 а отнюдь не разлучаться
 надо, Таша, нам!

Перцепция с дискурсом расплевались —
она его считает импотентом,
а он ее безмозглой блядью. Что ж,
Она и впрямь не очень-то умна,
а у него проблемы с этим делом.
Все правильно. Но мне-то каково?

★ ★ ★

Рим совпал с представленьем о Риме,
что нечасто бывает со мной.
Даже ярче чуть-чуть и ранимей
по сравненью с моею тоской.

Поэтический прах попирая
средиземного града сего,
не могу описать, дорогая,
мне не хочется врать про него.

Тыщи лет он уже обходился
без меня, обойдется и впредь.
Я почти говорить разучился,
научился любить и глазеть.

В полудетском и хрупком величьи
Рим позирует мне, но прости —
он не литературогеничен.
Как и вся эта жизнь. Как и ты.

ПАРАФРАЗИС ВТОРЫЯ ПЕСНИ ИЗ КИНОФИЛЬМА «ДЕВЧАТА»

Старый лавр,
старый лавр,
ветхий лавр щекочет плешь.
Сам себе я это все накаркал.
Отчего,
отчего,
отчего-то нас промеж
холодно, а промеж ног так жарко-жарко.

Звездопад,
листопад,
снегопад прошли уже.
Уж летейской мутью дышит небо.
Отчего,
отчего,
от кого же на душе
так паршиво, Таша, и нелепо?

Мутота,
теснота,
пустота и некомплект...
Может, я тебя увижу в среду?..
Отчего,
отчего,
отчего недвижим плектр?
Оттого, что кто-то кинул кифареда!

* * *

Как Блок жену свою — О Русь!
 так я тебя, Натусь,
 зову Италией своей,
 поскольку в нежности твоей
 никак не разберусь!

Так далека ты и чудна,
 как эта чудная страна,
 и также баснословна
 и, в сущности, условна,
 красот неведомых полна,
 и мне ты не жена!

P.S. И все ж, Авзония моя,
 люби меня, как я тебя!

P.P.S Эх, быть бы мне, Наталья,
 в тебе, а не в Италии!

**Вот бы стать бы журналистом,
славным колумнистом,
или на худой конец
просто эссеистом,**

**и в полемике журнальной
расплодиться бы нахально,
олухов мороча!
Ведь по матушке Рассей
всяк теперь строчит эссеи,
всяка тварь пророчит!**

**Знал бы прикуп — жил бы в Сочи.
Но, пускаясь на дебют,
я не знал, что эти строчки,
эти с рифмами листочки
так жестоко бьют**

**по мордасам, по карману
и, что вовсе уж погано,
рикошетом по роману,
по любви святой.**

Ой-ё-ё-ё-ёй!

ИЗ ГЕЙНЕ

Она так старалась его полюбить,
так долго и честно старалась.
Но он помешал ей. Хотя, может быть,
совсем уж чуть-чуть оставалось.

И он постарался ее позабыть,
он так оголтело старался.
Она помешала ему. Может быть,
в живых потому он остался...

Они еще встретятся в мире ином,
в каком уж конкретно, не знаю.
«Мой милый, каким же ты был дураком!»
— «Сама ты, мой ангел, такая!»

Так мила ты, и так ты забавна,
так тепла ты и к сердцу близка,
как лисеночек тот достославный
на груди у того паренька.

Только я не спартанский, не мальчик,
уж скорее афинский старик,
от того все противней и жальче
этот не лаконический крик.

В заботе сладостно-туманной
не час, не день, не год уйдет...
А с предугаданной, с желанной
покров последний не падет.

Е. А. Боратынский

Не час, не день, не год.... А сколько — два?
А, может, полтора, Наташ?.. Ну, ладно.
Ты как всегда, конечно же, права.
Но правота твоя так безотраднa!

Когда бы ты, когда б в руках моих....
Эх, горюшко, ох, страсти-то какие!
Ну вот он я — уже почти что псих,
любви приметы вспомнивший впервые.

Кто ж Галатhea? Кто Пигмалион?
И кто кого безжалостно ваяет?
Что ж означает сей счастливый сон?
Сей дивный сон о чем предупреждает?

Чтоб он ни значил — не буди меня!
Продлись, продлись, блаженство летаргии!
Ни год, ни два, ни в жизнь не изменяй
судьбы моей!.. Ох, страсти-то какие.

Солнышко греет плешивое темечко.
Парочки жмутся куда ни взгляни.
Охи и чмоки на каждой скамеечке.
Как же мне осточертели они!

Что вытворяют! Католики тоже мне!
Савонарола не зря их клеймил.
Вон синьорина под пальмой разложена.
Жадно припал к ней какой-то debil.

Злобно я щурю глаза завидущие
и, словно перст одинокий, торчу,
глядя, как руки шалят загребущие,
шарят повсюду. Я тоже хочу.

Эту привычку к лобзаньям и петтингу
нам бы не худо с тобой перенять!...
Сердце скрепя, возвращаюсь я , бедненький,
в келью постылую письма писать.

С тобою, как с бессмертными стихами —
ни выпить, ни поцеловать!

Ни дать, ни взять.... Смотри ж, земля под нами
плодоносить готовится опять!

Смотри же — меж недвижными звездами
мерцающий стремится огонек
с авиапочтой, может, со словами
моими о тебе. И видит Бог,

как мы с тобой Им созданные, чтобы
в обнимку спать в ночи блаженной сей,
ворочаемся и томимся оба
в постели жаркой, каждый во своей.

Смотри же, как красиво в этом мире,
как до сих пор еще красиво в нем!
Не оставляй меня! На сем прощальном пире
предписано нам возлежать вдвоем!

Смотри, любимая, — пока еще, как древле,
среди мировой позорной чепухи
висят созвездья, высятся деревья
и смертные, как человек, стихи!

**Что ж ты дяденька бога гневишь?
Сам под небом Торквато лежишь,
грудь седую и вялое брюшко
греешь на итальянской опушке,**

**куришь вкусный голландский табак,
ночью ходишь в заморский кабак
и совсем как в ремарковой книжке
цедишь граппу, и бренди, и виски,**

**и с печальной улыбкой глядишь,
как блондиночка тянет гашиш,**

**нос воротишь от тоника с джином,
настоящие штатские джинсы
носишь, Господи Боже Ты Мой!,
не какой-нибудь «Милтонс» дрянной!**

**Взять тебя, старикашку и врушку,
обрядить бы в кирзу и хэбушку,
сверху противогаз с ОЗК
да на плац пошугать бы слегка,**

**чтоб свободу любить научился
и со скорбью своей не носился!**

**Отчего это ты так устал?
Вон ведь книжек-то сколько издал!**

**И что вовсе уж мне непонятно,
ненормально и невероятно,
но ведь женщины любят тебя!!**

Что «Не все»? Ну ты, дядя, свинья!

ЮБИЛЕЙ ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ

* * *

Еще как патриарх не древен я, но все же
 в час утренний глядеть на собственную рожу
 день ото дня тоскливей и тошней.
 И хоть еще осталось много дней,
 в два раза больше позади осталось.

И что же? Где она, блаженная усталость,
 и умудренность где? Где-где — в узде,
 которой взнуздан я мирскими суетами —
 тщеславьем, ленью, а паче словесами
 хитросплетенными, игрою роковой
 фоном бессмысленных с нагрузкой смысловой,

и возбешеньем блудным (друг-Хохол
 такую дефиницию нашел
 для страсти нежной, коей мучим я).
 Все жду чего-то. Не старей меня
 был твой певец пиров и финских скал,
 когда в отчаяньи сумрачном писал
 про лысины бессилия. А я,
 плешивей становясь день ото дня,
 не знаю угомону. 45.

Пора, мой друг. Но хочется опять.
 Шкодлив, как кошка, и труслив, как заяц,
 все поджидаю дедушку Мазая.
 А воды прибывают и шумят,
 и намочить мне лапки норовят.

И вот февраль. Достать чернил, и паркер,
 подаренный тобой, заправив, выпив чарку-
 другую италийского вина,
 писать себе с утра и до темна,

себе писать с темна и до утра:
«Пора, мой друг, действительно пора.
Успехов в личной жизни, милый мой.
Ну, будь здоров, лирический герой!
Геройствуй помаленечку, дружок,
и с Божьей помощью мы свой отбудем срок.»

* * *

С новым годом! С новым счастьем!
Занесенный злым ненастьем,
ошалев в степи мирской,
разлучаюсь я с тобой!

Разлучаюсь я тобою
с перевозданною мечтою.
А ведь та мечта была
мне, как ворону крыла.

А ведь та мечта томила
душу мне нездешней силой,
А потом к тебе свелась
и почти уже сбылась.

Да не тут-то, видно, было!
Мне терпенья не хватило.
Было, было — да не тут!
Бьют часы. Всему кагут.

Так над Ледой безучастной
каркнул ворон — С новым счастьем!
Каркнул ворон — Пожалей,
приюти и обогрей.

Этой песнью лебединой
не прельстился слух невинный.
Тяжек старческий полет.
Здравствуй, полночь, Новый год!

Черный голос. Белый волос.
Ждет серпа набрякший колос.

* * *

На слабо меня взяв, как салагу,
наконец отыгравшись за все,
жизнь отходит с улыбочкой наглой.
Ладно-ладно, посмотрим еще!

Мы посмотрим еще, поглазеем!
Как сокол я — не дать и не взять.
подавись ты всем, что я имею!
Благодарность попробуй отнять!

Не ершись, не петушись,
не собачься с веком,
волком не смотри на жизнь,
будь ты человеком!

Что привычился опять?
Не брыкайся, кляча!
А иначе не видать
нежностей телячьих!

* * *

То смерть наступает мгновенно,
то в контрастопление жизнь
пускается столь дерзновенно,
что снова противник бежит.

И гибель уходит в подполье,
и строит там козни свои,
в доверье втирается подло
под видом, к примеру, любви.

Смотрю я большими глазами,
чтоб что-нибудь предусмотреть.
Но жизнь наступает внезапно.
И вновь продолжается смерть.

* * *

Не хочу умирать — и не буду!
Накось выкусь! Нашло дурака!
А пошло бы ты на хрен отсюда,
ты мне, падло, давно не указ.

Кроме шуток — не буду и точка!
Ишь какое — само помирай!
На тебя ли Наташку и дочку
я оставлю, вселенская мразь?

И не надо пугать меня, хватит!
Голым задом ежа не спугнешь.
Что-то стало ты, чмо, глуповато,
все скучней твоя ветхая ложь.

Только этого мне не хватало —
умереть ни с того, ни с сего!
Эй, ничтожество, где твое жало?
Знать, напало ты не на того.

Князь ли мира сего ты, Отец ли
всякой лжи — а по мне ты говно!
И надежнее всех дезинфекций
галилейское это вино,

что текло по усам, не попало
в искривленный ухмылкой рот.
Но и этого хватит, пожалуй.
Не умру. И никто не умрет.

Если баба в 45
ягодка опята,
то, наверно, мужичок
снова дурачок.

Дурачина, простофиля,
попросту балда.
Ну и не беда!

* * *

Российские поэты
разделились
на две неравных группы —
большинство
убежденно, что рифма «обуян»
и «Франсуа» ошибочна, что надо
ее подправить — «Жан» иль «Антуан»....

Иван.
Болван.
Стакан.
И хулиган.

ЦИНИЧЕСКОЕ

**Пушкину — 200.
Набокову — 100.
Бродскому — за 60.
И Айзенбергу уже 50.
Я намекаю на что?**

**Я намекаю на счет
того, что сравнительно я молодец,
ладно уж, если не девок, так денег
мне бы побольше еще!**

* * *

Большое спасибо, Создатель,
что вплоть до последнего дня
и праздным, и дураковатым
еще сохраняешь меня,

что средь серьезных и пышных,
и важных, и тяжких, как грех,
еще, никудашный и лишний,
не в силах я сдерживать смех,

что ты позволяешь мне шляться,
прогуливать и привирать,
играться, и с толку сбиваться,
а может быть, даже сбивать,

за то, что любили, жалели
меня ни за что ни про что,
пускали в дома и постели,
сажали за праздничный стол!

Отдельное также спасибо
за ту, что не любит еще,
но так уж светла и красива,
что мне без того хорошо.

За легкую, легкую лиру,
за легкость мою на подъем,
и что не с прогорклого жиру
бешусь я на пире Твоем!

Спасибо за мозг и за фаллос,
за ухо, и горло, и нос,
за то, что так много досталось,
и как-то само утряслось,

что не по грехам моим судишь,
а по милосердию Твоему,
и вновь. беспроцентную ссуду
вручаешь незнамо кому,

что смотришь сквозь пальцы на это,
что Ты не зануда и жмот
и не призываешь к ответу
за каждый насущный ломоть!

Что свет загорается утром
и светит в течение дня,
и что, как Макаренко, мудро
доверьем ты учишь меня,

что праздность мою наполняешь
своим драгоценным вином
и щедрой рукой подливаешь,
скрывая скудельное дно.

Коль все мое дело — потеха,
не грех побездельничать час!
За то, что всегда мне до смеха
до слез из распахнутых глаз!

Что бисер мечу торовато,
что резвая Муза сия,
прости уж, Господь, глуповата,
ленива, смешлива, как я!

Пускай уж филолог Наташка
пеняет на то, что пусты
и так легковесны бумажки
с моими словами, но Ты,

но Ты-то ведь знаешь, конечно,
ты ведаешь, что я творю.
За всю мою нищую нежность
покорнейше благодарю!

За бережность и за небрежность,
за вежливость с тварью Твоей,
удачливость и безуспешность
непыльных трудов и ночей!

Спасибо. И Ты уж прости мне,
что толком не верую я,
что тостом дурацким, не гимном
опять славословлю Тебя!

Так выпьем по перовой за астры,
нальем по второй — за исход,
по третьей наполним и баста,
ведь троицу любит Господь!

Так выпьем за *нашу* победу,
как в фильме советский шпион,
за то, чтобы все я разведаль
и вовремя смылся, как он.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

**ПО ПРОЧТЕНИИ АЛЬМАНАХА
«РОССИЯ — RUSSIA»**

«Только вымолвишь слово „Россия...“	7
«Блоку жена...»	8
«Дай ответ!! Не дает ответа...»	9
«...Свобода...»	10
«Ну, была бы ты что ли поменьше...»	11

SFIGA

Образы Италии	15
«Перцепция с дискурсом расплевались...»	17
«Рим совпал с представлением о Риме...»	18
Парафразис вторья песни из кинофильма «Девчата»	19
«Как Блок жену свою — О Русь!...»	20
Сальерианское	21
Из Гейне	22
«Так мила ты, и так ты забавна...»	23
«Не час, не день, не год.... А сколько — два?...»	24
Villa Pamphili	25
«С тобою, как с бессмертными стихами...»	26
Взгляд из 1975 года	27

ЮБИЛЕЙ ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ

«Еще как патриарх не древен я, но все же...»	31
«С новым годом! С новым счастьем!...»	33
«На слабо меня взяв, как салагу...»	34
«Не ершись, не петушись...»	35
«То смерть наступает мгновенно...»	36
«Не хочу умирать — и не буду!...»	37
«Если баба в 45...»	38
«Российские поэты...»	39
Циническое	40
«Большое спасибо, Создатель...»	41

В ПОЭТИЧЕСКОЙ СЕРИИ

проект о.г.и.
книжный центр·галерея·клуб

ВЫШЛИ КНИГИ

Ю. ГУГОЛЕВ

«Полное. собрание сочинений»

*

Г. ДАШЕВСКИЙ

«Генрих и Семен»

*

Б. КЕНЖЕЕВ

«Снятая под утро»

*

М. АЙЗЕНБЕРГ

«За Красными воротами»

*

В ПОЭТИЧЕСКОЙ СЕРИИ

проект о·г·и·
книжный центр·галерея·клуб

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ

*

Т. КИБИРОВ

«Улица Островитянова»

*

Редакторы серии

Д. Борисов, Н. Охотин

Дизайн и верстка

О·Г·И

Корректор

И. Л. Кабанова

ОБЪЕДИНЕННОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва, Петровка, 26, стр. 6

тел./факс: (095) 200-76-81

e-mail: perg@zhurnal.ru

ЛР № 061083 от 6.05.1997

Клуб «Проект ОГИ»

Москва, Потаповский пер., 8/12, стр. 2

тел./факс: (095) 927-57-76

Формат 60×84 1/16

Бумага офсетная № 1

Печать офсетная

Гарнитура OfficinaSerif

Усл. печ. л. 3

Подписано в печать 20.06.2000

**Отпечатано с оригинал-макета в АО "ЭКОС"
Заказ № 108**

(2)

Блоку жена.

Исаковскому мать.

И Долматовскому мать.

Мне как прикажешь тебя называть?

Бабушкой? Нет, ни хрена.

Тещей скорей. Малохольный зятек

приноровиться я так и не смог

к норову, крову, нутру твоему

и до сих пор не пойму, что к чему.

Непостижимо уму.

Ошеломлен я ухваткой твоей

ширью морей разлитанных и щей,

глубью заплывших, залитых очей,

высью дебелих грудей.

Мелет Емелька, да Стенька дурит,

Мара да хмара на нарах храпит

Чара визжит-верещит.

Чарочка — чок, да дубинушка — хрясь!

Днесь поминаем, что пили вчерась,

что учудили надьсь.

Ась, да Авось, да Октись

Что мне в тебе? Ни аза, ни шиша.

Только вот дочка твоя хороша,

не по хорошу мила.

В Блона, наверно, пошла.